

М.Л. Бершадская

Россия периода Первой мировой войны в дневниках и воспоминаниях словенских военнопленных

Аннотация: В статье рассматриваются произведения трех авторов, представляющие, по нашему мнению, значительный интерес для историков, литературоведов и культурологов: дневниковые записи Франца Зупанчича, книга Александра Личана «Воспоминания о Сибири» и «Автобиография гуманитария» Воеслава Моле «Из книги воспоминаний». В восприятии России и русских людей проявляются и разный социальный статус авторов, и индивидуальные отличия их характеров. Однако при всех различиях произведения Зупанчича, Личана и Моле доносят до нас точно воспроизведенные реалии времени, позволяют ощутить его атмосферу, добавляют новые штрихи к портрету России той эпохи.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, революция, большевики, голод, разруха, литература, искусство

Abstract: The article comprises the works of three authors, which are, in our opinion, of great interest for historians, literary historians, and scholars in culture studies: They are diary notes by Franz Zupanchich, Alexander Lichan's book "Memories of Siberia" and "Autobiography of Humanitarian" of Voeslav Mole "From the Book of Memories". In their perception of Russia and the Russians, these authors demonstrate their different social status and individual differences of their nature. However, despite all the differences, works by Zupanchich, Lichan and Mole present exactly reconstructed realities of their time, allow to experience its atmosphere, adding new features to the portrait of Russia of that time.

Key words: prisoners of war, World War I, revolution, the Bolsheviks, hunger, devastation, literature, art

Уже более двадцати лет дневники и воспоминания словенцев, оказавшихся в период Первой мировой войны в плену в России, привлекают внимание словенских исследователей¹, однако этот материал все еще остается недостаточно изученным.

¹ *Svoljšak P.* Prva svetovna vojna in Slovenci. Opis slovenske zgodovinske, publicistične in spominske literature o prvi svetovni vojni // *Zgodovinski časopis*. 1993. № 47. S. 263–287; *Luthar O.* O žalosti niti besede. Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana, 2000; *Новак-Попова И.* «Забывтые» словенские свидетельства о Великой войне // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 312; *Švajncer J.* Svetovna vojna 1914–1918. Slovenci v avstro-ogrski armadi. Maribor, 1988; *Švajncer J.* Vojna in vojaška zgodovina Slovencev. Ljubljana, 1992; *Švajncer J.* Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju // *Pulko R.* Ruska emigracija na Slovenskem. 1921–1941. Logatec, 2004. S. 111–137.

В статье будут рассмотрены произведения трех авторов, представляющие, по нашему мнению, значительный интерес для историков, литературоведов и культурологов.

Франц Зупанчич, автор дневниковых записей 1914–1918 гг., родился в маленьком словенском городке Каменица в 1884 г. в семье землевладельца, содержателя трактира, а позднее – бургомистра Каменицы Франца Зупанчича.

Закончил гимназию в Любляне и двухгодичные курсы геодезии при Высшей технической школе в Граце (Австрия). Служил землемером в различных словенских городах, в 1911 г. был переведен в город Крань. В июле 1914 г. был призван в армию, а в конце декабря 1914 г. отправлен на фронт в ранге командира взвода 27 домобранского полка, с которым будет связана большая часть его пребывания на фронтах Первой мировой войны.

В конце июня 1917 г. полк был переброшен в Румынию, а 9 августа Зупанчич попал в плен и был отправлен в город Инсар, тогда входивший в состав Пензенской губернии, где провел около года. В августе 1918 г. вернулся в Австрию, в декабре того же года после демобилизации возвратился в Крань, где продолжал службу землемера, вел активную деятельность по созданию союза югославских землемеров. Умер в 1946 г. после тяжелой продолжительной болезни. При жизни опубликовал только незначительную часть военного дневника, посвященную посещению Ясной Поляны в 1918 г. Полностью дневник был опубликован внучкой Зупанчича Яминой Погачник в 1998 г.¹

Еще в начале своей военной одиссеи – во время первого пребывания в Галиции – Зупанчич записал в дневнике: «Следует воздать должное русским воинам» (S. 15).

Попав в плен, он повторяет свои слова: «Вообще офицеры очень любезны, – следует воздать должное русским воинам» (S. 204).

«Офицер, ответственный за колонну пленных, понимая, что они очень устали, часто устраивает привалы.

Три русских барышни приносят пленным сахар и сигареты... И даже почтовые открытки, чтобы те могли отправить весточку домой» (S. 209).

Однако прибыв в Инсар, оказавшись в грязном бараке, «в компании клопов, блох, вшей, мышей и крыс», под бдительным надзором конвойных, не выпускающих из барака даже по нужде, Зупанчич с горечью пишет, что «такого не было даже тогда, когда мы были заодно с немцами и австрийцами. Разве можно было представить, что это случится сейчас, когда вокруг нас только славяне?» – и продолжает: «Идет дождь. Нам холодно и по ночам, и днем, потому что по этому вонючему бараку гуляют сквозняки. А я размышляю о славянстве, национальности, патриотизме etc» (S. 216).

Первые месяцы жизни в плену, совместное пребывание 27 человек в небольшом двухэтажном здании, невозможность выйти в город без сопровождения конвоира, бесконечные тяжбы с воинским начальником и городской управой, а потом и с большевистскими властями по поводу причитающихся военнопленным денег, дров, керосина и т. п., разумеется, не подогревают панславянские настроения автора дневника. Вот как описывает Зупанчич свою встречу с представителями советской администрации, которой они жалуются на очень плохую организацию продовольственного снабжения: «Меня посылают – по типично русскому обычаю – из одной канцелярии в другую, от одного чиновника к другому. Во время этого хождения приключалось следующее событие: выйдя из канцелярии на улицу, мы встретили

¹ *Zupančič F. Dnevnik. 1914–1918. Ljubljana, 1998.* В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию в нашем переводе. В скобках указывается номер страницы.

одного красноармейца, который произвел на нас впечатление серьезного человека. Разумеется, мы вежливо спросили у него, что же нам делать. В ответ услышали: «Обратитесь к комиссару полка». – Я поинтересовался: «А как его фамилия?» – Он ответил: «Пронин», – повернулся и ушел. Оказалось, что это был он сам!

Вечером снова приходим в Совет. У них идет заседание: «Приходите завтра!»

А голод прижимает все сильнее. Очень многие побираются» (S. 256).

Нищенствовать приходится и самому Зупанчичу. Чаще всего он и его товарищи проходят за день тридцать-сорок километров по окрестным селам, чтобы собрать хоть немного продуктов. «У людей у самих ничего нет» (S. 266), – с горечью пишет Зупанчич, понимая, что крестьяне делятся с ними чуть ли не последним куском хлеба. И все же, подводя итог всем трудностям жизни в плену, Зупанчич напишет в своем дневнике, который вел от первого до последнего дня пребывания в армии: «Мы живы, и это главное» (S. 295).

Зупанчич внимательно следит за известиями с полей сражений, за международной обстановкой, за разворачивающимися в России событиями. Голод, холера и тиф, погромы и грабежи, наводящие ужас на население, царящая в армии анархия заставляют Зупанчича прийти к нелестному для большевистского режима выводу: «Ленин хочет погубить Россию» (S. 230). «Большевики похоронили почти все и даже самих себя» (S. 244).

От тоски по родине и тягостных мыслей пленных спасает только самообразование: «Изучаем русский и французский язык, астрономию, математику и русскую литературу» (S. 230), – пишет Зупанчич. Особенно он увлекся Л. Толстым, даже написал о его жизни и творчестве небольшой очерк. Именно поэтому Зупанчич решил посетить Ясную Поляну, дабы поклониться могиле великого русского писателя.

Помимо науки и книг пленных спасают контакты с местными жителями. Когда в конце 1917 г. пленных расконвоировали, у Зупанчича появилось много друзей. В начале это были этнические немцы, интернированные в Инсар, потом круг знакомых расширился. Зупанчич посещает спектакли, концерты, с удовольствием танцует на местных «балах» и пишет в дневнике о том, что его отношение к России и русским снова стало теплым и дружественным (S. 269). Тем не менее его преследует желание как можно скорее вернуться на родину. Не дождавшись официального разрешения покинуть Инсар, Зупанчич и его товарищи, переодевшись в штатскую одежду, с подложными документами решают отправиться в Москву, надеясь, что оттуда им будет легче вернуться на родину. Однако для начала они собираются обязательно посетить Ясную Поляну, куда добираются на крыше переполненного вагона. Очерк «В доме Толстого и на его могиле», рассказывающий о знакомстве словенских офицеров с Софьей Андреевной и Душаном Маковицким, был опубликован в Любляне в 1927 г.¹ А когда летом 2014 г. в Центральной библиотеке Краня была открыта выставка, посвященная Первой мировой войне, в одной из витрин рядом с книгой Зупанчича лежали его блокноты, фотографии, боевые награды и воинский медальон. И веточка папоротника с могилы Льва Толстого.

Автор «Воспоминаний о Сибири» Александр Личан (1876–1943) родился в Илирской Бистрице в семье торговца и сельского старосты Александра Личана-старшего. Закончив начальную школу и два класса гимназии, Личан отправился в Любляну, где служил учеником в магазине известного торговца. В связи с преждевременной смертью отца был вынужден вернуться домой, где занялся тор-

¹ Подробнее об этом см.: *Бершадская М.Л.* Веточка с могилы Льва Толстого // Российская газета. 2015. № 51 (12 марта). С. 5.

говлей в доставшейся по наследству лавке. К началу Первой мировой войны он был уже зрелым, женатым человеком, отцом двоих детей. Мобилизованный в австрийскую армию в конце августа 1914 г., Личан оказался в Перемышле, а в марте 1915 г., когда русские войска заняли город, попал в плен. О событиях Первой мировой войны, русской революции и Гражданской войне в России, обо всем, что он увидел и пережил в годы скитаний, Личан написал в своей книге «Воспоминания о Сибири. Приключения словенского солдата-военнопленного времен Первой мировой войны», которую издал в 1936 г. в Любляне на собственные средства¹.

Пребыванию в Перемышле автор посвящает неполных шесть страниц (всего их в книге 168), всё остальное – история семилетних скитаний Личана по России и пограничным с ней странам, куда его забрасывают судьба и коммерческие интересы. Потомственный торговец, человек удивительного жизнелюбия и невероятной жизненной хватки и изобретательности, Личан и в плену сохраняет оптимизм и верность своей профессии. Даже неполный перечень городов² и стран³, в которых он побывал, поражает воображение читателя.

С головокружительной скоростью Личан меняет не только места своего пребывания, но и род занятий: развозит бутылки с содовой и овощи, занимается изготовлением дрожжей, сапожной ваксы и пасты для чистки самоваров, от которой те приобретают невероятный блеск, но через пару дней становятся дырявыми. Он не гнушается работой ассенизатора и не боится выступать в роли ясновидящего, умеющего предсказывать будущее.

Авантюризм Личана, его умение избегать опасностей и неприятных обязанностей, находить выход из ситуаций, которые кажутся безвыходными, чаще всего сочетается в повествовании с юмором, нередко окрашивающим страницы «Воспоминаний...». В них много смешных ситуаций, автор любит ставить людей в глупое положение и остроумно об этом рассказывает. Особенно ярко это проявляется в рассказах о русском полковнике, у которого Личан служит денщиком и которого постоянно разыгрывает. Юмористические эпизоды роднят «...Приключения словенского солдата» с «Похождениями бравого солдата Швейка». Как видим, это сходство проявляется даже в подзаголовке книги Личана. Роман Я. Гашека в 1928 г. был переведен на словенский язык писателем Ф. Говекаром и, скорее всего, был известен Личану, который проявлял большой интерес к литературе и был, судя по воспоминаниям родных, талантливым рассказчиком.

Следует отметить, что в юмористические тона окрашена первая треть повествования, затем оно становится более серьезным и общественно значимым, отражает более широкий круг событий. Это отчетливо видно в самарских эпизодах «Воспоминаний...». В Самаре Личан возглавлял группу военнопленных, работавших на железнодорожной станции.

«Мне кажется, – пишет Личан, – военнопленным нигде не жилось так хорошо, как нам. При разгрузке вагонов мы обеспечивали себя всем необходимым... Прекрасные, беззаботные дни длились до переворота, когда к власти пришел Керенский.

Вскоре после этого в народе начались волнения. Чувствовалось, что надвигается страшная буря. Все были недовольны Керенским, требовавшим продолжения

¹ В 2006 г. вышло второе издание этой книги: *Ličan A. Spomini iz Sibirije*. Ilirska Bistrica, Ljubljana, 2006. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию в нашем переводе.

² В России это Ташкент, Красноводск, Баку, Батуми, Одесса, Киев, Москва, Самара, Мурманск, Астрахань, Хабаровск, Благовещенск.

³ Афганистан, Персия, Манчжурия, Монголия, Китай, Тибет, Индия, Цейлон, Япония, Аляска, Филиппины.

войны. Никто не мог обеспечить порядок и безопасность граждан. Каждый день шла резня. Солдаты, дезертировавшие с фронтов, крали и убивали, жизнь каждого человека была в опасности. Первого мая по самарским улицам шагали коммунисты с красными, социал-демократы – с зелеными и анархисты – с черными флагами. Полиция смотрела на всё это совершенно спокойно» (S. 56–57).

Автор показывает, что распад социальных структур и моральных устоев общества приобретает катастрофический характер. Так, например, возбужденная призывами анархистов толпа начинает грабить магазины и склады, где хранятся запасы спирта. Спирт «уносили с собой в ведрах, бидонах, ушатах, некоторые тут же напивались. На следующий день на ближних к складам улицах валялось множество мертвецов – это были жертвы алкоголя» (S. 58).

Поначалу захват власти большевиками и прибытие в Самару «вооруженных до зубов рабочих с Путиловских заводов» (S. 58) внушает военнопленным оптимизм: им разрешено свободно передвигаться по городу, а за работу платят столько же, сколько и русским рабочим. Однако с началом национализации крупных предприятий возникает дефицит продовольствия, расцветает спекуляция, разгорается гражданская война, против большевиков выступают вооружённые силы иностранных государств – и сложившаяся в стране ситуация явно не нравится Личану. Тревожит его и судьба царской семьи, о которой он неоднократно упоминает в своей книге.

Не претендуя на глубокий анализ происходящих в России событий, Личан ярко и убедительно показывает значимость и масштаб тех бедствий, которые испытывает ее населения. На страницах его книги дано описание Сибири, охваченной кровавой смутой гражданской войны. Постоянные бои между семеновцами и партизанами, красноармейцами и армией Колчака. Чешские легионеры, отступающие в направлении Маньчжурии и Владивостока. . . Сожженные города и села. Разрушенные мосты через великие сибирские реки – Иртыш, Обь, Енисей. Вдоль всей железной дороги лежат перевернутые вагоны и локомотивы. Сибирские морозы, толпы оголодавших людей, нападения различных банд на мирное население и поезда. . . Штабеля голых человеческих тел, сложенных друг на друга, как дрова. Это военнопленные из лагеря под Омском, умершие от эпидемии сыпного тифа. Их продезинфицированную одежду отдают другим пленным, замерзающим от холода.

Исколесив всю Сибирь, Личан добрался до Владивостока. За годы, проведенные в этом городе, Личан сроднился с ним, приобрел в нем знакомых и друзей, и, хотя он тосковал по родине, прощание с Владивостоком далось ему очень нелегко: «С нетерпением ожидая возвращения домой, я тем не менее с трудом, с очень большим трудом покидал свою вторую родину – Владивосток. Прощай, мой дорогой Владивосток, прощай навсегда!

Я заплакал как ребенок, потерявший свою мать. Тяжело, ох как тяжело было у меня на сердце – так, что я был готов прыгнуть с борта великанского парохода и вернуться в город, в котором я прожил столько успешных и счастливых дней. В Золотом роге (рядом с маяком) я бросил последний взгляд на Владивосток, и сразу же затем наш корабль затерялся в крошечной тьме» (S. 136).

Искусствовед Воеслав Моле (1886–1973), изучавший историю искусств и археологию в Вене, Кракове и Риме, в 1912 г. защитил докторскую диссертацию в Венском университете. После этого два года работал в городе Сплит в Государственном бюро по охране памятников. 1 августа 1914 г. был мобилизован в австрийскую армию, а через месяц после этого попал в плен и был отправлен в Сибирь, где провел

более пяти лет. Вернувшись из России в 1920 г., преподавал в университетах Любляны и Кракова, являлся академиком Польской Академии художеств в Кракове и членом-корреспондентом Словенской Академии наук и искусств.

В 1910 г. Моле издал свой первый поэтический сборник «Когда цвели розы», десять лет спустя вышла книга стихов «*Tristia ex Siberia*», являющаяся лирическим дневником, запечатлевшим пребывание поэта в Сибири. Он описывает природу тех мест, куда его забросила судьба, восхищается красотой застывшего под снегом Байкала, «шумом речных, неспешных вод» Енисея, тоскует об оставшейся в далеком Кракове невесте, о своих родных и друзьях, мечтает о возвращении на родину, с горечью и болью говорит о «сибирских могилах», в которых покоятся умершие от ран и болезней военнопленные. Одним из основных мотивов сборника являются неисчислимы потери и страдания, которые принесла с собой война. В стихотворном послании, адресованном его другу, замечательному словенскому поэту О. Жупанчичу (1878–1949), Моле пишет:

Дойдет иль нет письмо мое домой
из чуждальной стороны? Бог знает...
Из дома нет мне вести никакой...
Нас океаны крови разделяют,
безбрежные несчастья всей земли,
повсюду горе горькое гуляет...¹

Ужасной, безумной сказкой кажется Моле действительность огромной измученной страны, охваченной братоубийственной гражданской войной.

«Кроваво шутит русская свобода», – пишет он в стихотворении «В тайге»², а в сонете «Новый год 1920» с горечью размышляет о настоящем и будущем России.

Спустя пятьдесят лет после выхода поэтического сборника «*Tristia ex Siberia*» Моле вновь обратился к трагическим событиям Первой мировой войны и суровому жизненному опыту, приобретенному в сибирских лагерях для военнопленных: в 1970 г. вышла его «автобиография гуманитария» под названием «Из книги воспоминаний». В ней автор описывает всю свою долгую жизнь начиная с детских и юношеских лет и заканчивая 1966 г., когда супруги Моле после внезапной смерти сына переселились к дочери в США.

Первой мировой войне и пребыванию в Сибири посвящена вторая часть книги, где-то около трети ее объема.

Участие Моле в боевых действиях оказалось недолгим. 2 сентября 1914 г. русские войска взяли в плен около 4 000 человек, в том числе более 80 офицеров, среди которых был и раненный в бою Моле.

Проведя несколько дней в переполненном лазарете Люблина, где раненые практически не получали никакой медицинской помощи, Моле оказался в палаточном городке на окраине Москвы, откуда эшелон с военнопленными отправился в Сибирь. За годы, проведенные в Сибири, автор «...Воспоминаний» побывал как в крупных сибирских городах (Новониколаевске – ныне Новосибирске, Барнауле, Томске, Омске, Тюмени, Красноярске, Иркутске), так и в захолустном городке Тара, а зиму и весну 1915 г. провел в деревне Борки под Томском.

¹ *Mole V. Tristia ex Siberia. Ljubljana, 1920. S. 45.* Тексты стихотворений Моле и отрывки из его «...Книги воспоминаний» даны в неопубликованном переводе М.И. Рыжовой, любезно предоставленном ею для публикации в данной статье. В сносках даются ссылки на оригинал.

² *Mole V. Tristia ex Siberia. S. 77.*

Условия жизни в большинстве случаев были крайне неблагоприятными. Дело в том, что уже в начале войны, после первых побед русский войск в Галиции, в России скопилось большое количество военнопленных, которых нужно было где-то расселить, организовать их питание и охрану. В связи с этим возник острый дефицит жилых помещений, пригодных для размещения пленных. Их содержат в лагерях, где царит скученность, антисанитария и холод, где они получают скудное, однообразное питание. В этих лагерях периодически вспыхивают эпидемии, чаще всего пленных косит сыпной тиф. Моле рассказывает страшную историю лагеря Тощое, созданного летом 1914 г. За три месяца из 17 000 пленных в Тощом умерло 9 000.

К счастью для Моле, те лагеря, в которых он побывал за годы скитаний, были не такими страшными, как Тощое, однако тесноты, грязи, полчищ клопов, тараканов и крыс он навидался вдоволь. Угнетают пленных не только отвратительные бытовые условия, но и невозможность хотя бы на короткое время оказаться в одиночестве, выйти за стены лагеря без особого предварительного разрешения начальства и без следующего по пятам конвоира. Письма из родных краев приходят крайне редко (раз в несколько месяцев) и нерегулярно.

Помимо ощущения несвободы и бытовых неудобств жизнь в лагере отравляют многочисленные национальные и политические конфликты. Даже оказавшись в плену, австрийские «патриоты» не перестают кричать об исполнении «безусловного святого долга во имя отечества», пытаются запретить словенским военнопленным общаться с русскими, читать русские книги и газеты.

По мере развития революционных событий под влияние большевистской пропаганды попадают многие солдаты, в том числе и словенские. Один из них в своей речи на революционном митинге с пафосом восклицает: «Ленин и Троцкий – наше солнце!» (S. 221). С целью восстановления социальной справедливости солдаты требуют, чтобы власти обязали офицеров работать, а когда офицеры начинают зарабатывать больше них, просят запретить офицерам заниматься трудовой деятельностью. «Тяжела была жизнь, горек плен, бессмысленна война и неразумны люди в своей зависти и вражде» (S. 195), – говорит Моле о жизни в плену.

Некоторые пленные, не выдержав тягот лагерного существования, сходят с ума, большинство, желая выстоять и спасти себя от морально деградации, ищет средства для того, чтобы выстоять в этих страшных условиях. Они изучают иностранные языки, организуют различные лекции (так, например, Моле знакомит слушателей с историей искусства разных стран), устраивают концерты (среди пленных немало профессиональных музыкантов), занимаются хоровым пением, ставят юмористические пьески на лагерные темы. Для самого Моле, временами находящегося на грани отчаяния, спасительным оказывается его пребывание в Томске, где он получает возможность работать в университетской библиотеке и знакомится с преподавателями гуманитарного факультета Томского университета. Убедившись в высоких профессиональных знаниях словенского искусствоведа, коллеги предлагают ему преподавать историю искусства и выступить с докладом, который даст ему право на получение звания доцента (поскольку документов о защите в Венском университете у него при себе, разумеется, нет). Моле с радостью откликнулся на это предложение, посвятив свое выступление венецианской живописи XVI столетия. Ученый совет факультета единогласно признал работу успешной и присудил докладчику звание доцента по истории западноевропейского искусства. Уникален сам факт защиты диссертации – без предварительно-

го сбора документов, без публикации научного труда, в условиях Сибири, охваченной пламенем гражданской войны. Он является ярким подтверждением силы человеческого духа, единения гуманитариев разных стран, понимающих, что в условиях страшной мировой бойни миссия интеллигенции заключается в том, чтобы сохранить для человечества знания, культуру и духовную преемственность бытия, этические и морально-нравственные устои и традиции.

Оценивая свой рассказ о пятилетнем пребывании в Сибири, автор предполагает, что его могут справедливо упрекнуть в узости горизонтов повествования:

«Если кто-нибудь когда-нибудь будет читать эти мои воспоминания, то возможно, станет удивляться, что я пишу во всех подробностях о нашей жизни в плену или, лучше сказать, нашего прозябания и медленного умирания, упоминая лишь тут и там о русских офицерах и пожилых ополченцах, стороживших нас, и не пишу сколько-нибудь обстоятельнее о России – будто бы ее и не было, будто бы существовали только лагеря для пленных, а для славянских офицеров “частные квартиры”, в то время как в действительности царская Россия вела страшную, кровавую войну за свое существование и приносила тяжелые, огромные жертвы на алтарь освобождения от грозящего порабощения со стороны ведущих сверхдержав. В связи с этим я должен написать в пояснение хотя бы несколько слов.

Эти мои воспоминания имеют прежде всего личный характер: с самого начала моей целью было показать мой собственный личный путь по жизни...

Все это вовсе не означает, что Россия нас не интересовала и что мы не пережили ее исторических перипетии, – только не надо забывать, что мы видели и ощущали их сквозь призму плена, из-за заборов наших лагерей, и сквозь настроение, создававшееся в обществе совместно живущих военнопленных (S. 211–212).

По нашему мнению, Моле чрезмерно строг к себе. Он неоднократно пишет о главных событиях, происходящих в России, пытается синхронизировать их с событиями международного масштаба, стремится свой личный опыт соотнести с событиями эпохи, с осмыслением ее основных закономерностей и трагических противоречий. Помимо этого, в его «...Воспоминаниях» мы находим очень яркие и красочные описания сибирских городов, поэтические пейзажи, запечатлевшие уникальную сибирскую природу, колоритные и психологически точные портреты встреченных им людей.

Большой интерес представляют отдельные эпизоды книги, характеризующие политическую жизнь страны.

Так, например, говоря об огромном количестве партий и группировок, появившихся в Сибири после революции, Моле считает, что людям, далеким от активной политической борьбы, очень трудно разобраться в происходящем, ответить на вопрос «кто есть кто». И во многом он оказался прав.

Так, по утверждению Моле, большинство жителей Сибири считает чешских легионеров большевиками. Усложняет понимание происходящего то, что жизнь ежедневно преподносит пленным свои сюрпризы. Так, красноармейцы, совсем недавно считавшие всех пленных офицеров классовыми врагами и выступавшие под лозунгом «Долой грамотных!», приходят в барак и предлагают двум наиболее известным офицерам «проехать с ними в комендатуру. Там им рассказали, какова ситуация. С запада приближаются военные силы реакции и связанные с ними чехословацкие подразделения. Им противостоят большевистские части, но без настоящего военного руководства. Поэтому они предлагают пленным офицерам принять командо-

вание над ними и таким образом победить контрреволюцию, при этом обещают строгую дисциплину, исполнение всех распоряжений и приказов» (S. 231).

В восприятии России и русских людей проявляются и различия социального статуса авторов (рядовой Личан смотрит на мир иначе, чем обер-лейтенант Зупанчич), и индивидуальные отличия их характеров (в авантюрном повествовании Личана много юмора, роднящего автора с Гашеком, а в поэзии и мемуарах Моле преобладают драматические и трагические ноты). Однако при всех их различиях произведения Зупанчича, Личана и Моле доносят до нас точно воспроизведенные реалии времени, позволяют ощутить его атмосферу, добавляют новые штрихи к портрету России той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Бершадская М.Л. Веточка с могилы Льва Толстого // Российская газета. 2015. № 51 (12 марта). С. 5.

Ličan A. Spomini iz Sibirije. Ilirska Bistrica. Ljubljana, 2006. 168 s.

Luthar O. O žalosti niti besede. Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana, 2000. 211 s.

Mole V. Tristia ex Siberia. Ljubljana, 1920. 142 p.

Mole V. Iz knjige spominov. Ljubljana, 1970. 559 p.

Новак-Попова И. «Забытые» словенские свидетельства о Великой войне // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 312–323.

Svoljšak P. Prva svetovna vojna in Slovenci. Opis slovenske zgodovinske, publicistične in spominske literature o prvi svetovni vojni // Zgodovinski časopis. 1993. № 47. S. 263–287.

Švajncер J. Svetovna vojna 1914–1918. Slovenci v avstro-ogrski armadi. Maribor, 1988. 80 s.

Švajncер J. Vojna in vojaška zgodovina Slovencev. Ljubljana, 1992. 217 s.

Švajncер J. Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju // Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem. 1921–1941. Logatec, 2004. S. 111–137.

Zupančič F. Dnevnik. 1914–1918. Ljubljana, 1998. 320 s.

REFERENCES

Bershadskaya M.L. A Sprig from Leo Tolstoy's Grave. *Rossiyskaya Gazeta*. 2015. No 51 (March 12), p. 5.

Ličan A. (2006) Spomini iz Sibirije. Ilirska Bistrica. Ljubljana. 168 p.

Luthar O. (2000) O žalosti niti besede. Uvod v kulturno zgodovino velike vojne. Ljubljana. 211 p.

Mole V. (1920) Tristia ex Siberia. Ljubljana. 142 p.

Mole V. (1970) Iz knjige spominov. Ljubljana. 559 p.

Novak-Popova I. 'Forgotten' Slovenian evidences of the Great War. In: *The First World War in Literatures and Culture of Western and Southern Slavs*. Moscow. 2004. pp. 312–323.

Svoljšak P. Prva svetovna vojna in Slovenci. Opis slovenske zgodovinske, publicistične in spominske literature o prvi svetovni vojni. *Zgodovinski časopis*. 1993. No 47, pp. 263–287.

Švajncер J. Slovensko-ruske vezi na vojaškem področju. In: Pulko R. *Ruska emigracija na Slovenskem. 1921–1941*. Logatec. 2004, pp. 111–137.

Švajncer J. (1988) Svetovna vojna 1914–1918. Slovenci v avstro-ogrski armadi. Maribor. 80 p.

Švajncer J. (1992) Vojna in vojaška zgodovina Slovencev. Ljubljana. 217 p.

Zupančič F. (1998) Dnevnik. 1914–1918. Ljubljana. 320 p.

Сведения об авторе:

Марианна Леонидовна Бершадская,

канд. филол. наук

доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Marianna L. Bershadskaya,

PhD

Associate Professor

Saint Petersburg State University

marber2@rambler.ru